

Марина
СЕРОВА

Никогда
не говори
«НИКОГДА»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Секретный агент Багира

Марина Серова

Никогда не говори «никогда»

«Научная книга»

Серова М. С.

Никогда не говори «никогда» / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Бывший секретный агент спецслужб по кличке Багира снова в деле. Юлия получила задание проверить директора российско-германского СП Карла Ридле, который подозревается в шпионаже на бундесвер. Ловко внедрившись в фирму, Багира выясняет, где находится дискета с секретными материалами. Юля проникает на квартиру Ридле, еще не подозревая, что угодила в ловушку... Ее раскрыли. Она провалила дело! Но Багира не собирается выходить из игры, только теперь все будут играть по ее правилам...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Никогда не говори «никогда»

Глава 1

Скука. Не просто скука, а ску-ко-ти-ща! Как мне надоело это однообразное течение времени в одном отдельно взятом, изолированном от внешнего мира кабинете. Каждый день одни и те же стены, тот же самый стол и дверь, обтянутая серым дерматином. Впрочем, дерматином она обтянута снаружи. А внутри дверь светло-коричневая с массивной бронзовой ручкой. В коридоре такие ручки давно своровали, а вот в кабинетах они еще кое-где сохранились.

Эта ручка – моя гордость. Бог весть кто и когда ее делал, но выглядит она очень древней. Этакое бронзовое позеленевшее благородство в стандартном антураже служебного помещения.

Ручка двери сделана в виде головы пантеры с оскаленной пастью. Кажется, что пантера зевает, уставшая от однообразности дней. Когда мне скучно, я смотрю на мою любимую пантеру. Мне кажется, что она сейчас прижмет уши к голове, злобно зашипев, прыгнет вперед и скроется в ином мире. В мире, где нет места скуке и одиночеству.

Как говорится, мечтать не вредно! Вот я и мечтаю, прекрасно зная, что пантера никогда не прыгнет, а я завтра снова приду в этот самый кабинет и, скрашивая ее одиночество, ласково поглажу по бронзовой макушке.

– Мэмэнто мори, подруга, – скажу я ей, улыбнувшись, и пройду на свое место.

Я раздвину бирюзовые занавески на окнах, вытру пыль со столешницы (глухонемая уборщица, как всегда, забыла это сделать) и переверну лист на настольном календаре-ежедневнике. Начнется новый день. Почти до мелочей повторяющий предыдущий.

Хотите угадаю, что будет в следующую минуту?... Пожалуйста! Сегодня пятница, шестнадцатое июля. На часах 15.40. До конца работы осталось чуть больше часа. Значит, сейчас зайдет Светлана Алексеевна и скажет...

Открылась дверь, и в кабинет вошла Светлана Алексеевна. Женщина довольно милая, но слишком меркантильная. Выглядит она на тридцать семь и любого мужика этим может ввести в заблуждение. Но мне-то совершенно ясно, что ей минимум на десять лет больше.

– Юлия Сергеевна, – очаровательно улыбнувшись, Светлана Алексеевна подошла к моему столу. – Вы мне приготовили отчетик за неделю?

– Конечно, Светлана Алексеевна, – улыбнулась я.

– Вот и чудненько! – Светлана коснулась кончиками пальцев моей руки. – Занесите мне его минут через двадцать – и можете идти домой. Не буду вас в пятницу, да еще в такую жару, задерживать. Приятного уик-энда!..

– Данке шен, – поблагодарила я и полезла в стол.

Светлана Алексеевна пошла к выходу, покачивая бедрами. Каждое движение, каждый жест этой женщины были старательно отрепетированы. Она двигалась с грацией прекрасной танцовщицы, и – воленс ноленс – на нее нельзя было не обратить внимания.

Кем была Светлана Алексеевна раньше – тайна, покрытая мраком. Сплетен про нее ходило немало, но я на них никогда не обращала внимания: если верить всему, что говорят люди, можно однажды утром и себя в зеркале не узнать!

Но я раз и навсегда сравнила Светлану с лисой. Все повадки у нее были от влюбленной в себя Патрикеевны. Этаким секс-символ русских сказок. Однажды я, дура, ляпнула об этом девочкам на работе, и прозвище к нашей начальнице прилипло намертво. За глаза ее теперь, кроме как Патрикеевной, и не звали. В устах сотрудниц, завидующих вечной молодости Свет-

ланы, в этом прозвище звучало столько иронии, что будь я на ее месте, то обиделась бы, честное слово!..

Едва наша Патрикеевна ушла, я достала из стола стандартные бланки отчета с фирменной «шапкой» – Тарасовский Комитет солдатских матерей – и стала еще раз проверять все данные...

Что вы улыбаетесь?.. Да, я работаю в Комитете солдатских матерей. Светлана Алексеевна – председатель этого комитета, а я – юрисконсульт. Это раньше комитет был неформальной организацией на общественных началах. Сейчас наша контора хоть и является некоммерческой, но выплачивать зарплату сотрудникам может. Причем вовремя! А не через раз, как во многих бюджетных организациях. И, поверьте, зарплату эту приходится по-настоящему отрабатывать.

То, что я жалуясь на скуку, еще ничего не значит. Скучно не от того, что делать нечего. Мне скучно от однообразности работы. Ко мне в день приходит больше десяти женщин, рассказывая о бедах своих сыновей.

Поначалу все проблемы рядового состава Российской Армии меня здорово интересовали, тем более что я знала о них не понаслышке. Однако, когда я поняла, как мало может сделать комитет, интерес пропал. Остались боль и разочарование.

Я давала расстроенным женщинам советы, которые по большей части противозаконны, зато на практике действуют безотказно. Дело в том, что закон у нас есть, и хороший закон. Но к тому времени, когда он срабатывает, защищать кого-либо уже оказывается поздно!

Правда, в экстренных случаях я беру мать солдата за шкирку и еду с ней в воинскую часть. Все армейские законы я знаю ничуть не хуже гражданских (как-никак, в Военно-юридической академии училась!) и устраиваю в Н-ской воинской части такую бучу, что всем генералам тошно становится.

Но такое бывает редко. Обычно я занята составлением писем в те или иные воинские округа. И требования в них почти всегда одни и те же: «прекратите произвол над рядовым таким-то, такой-то роты, такого-то батальона». И все!

Если вы сможете найти какое-нибудь развлечение в такой работе, то мне останется только купить у вас на него патент! Могу даже валютой заплатить. Благо во время своей прошлой трудовой деятельности накопила некоторую сумму...

Я бегло осмотрела исписанные листки с фирменной «шапкой». Непосвященному человеку они не сказали бы ничего: в отчете были одни только цифры. Но ни для меня, ни для Светланы Алексеевны, ни для нашей бухгалтерии эти цифры секрета не представляли. В отчете были номера договоров на юридические услуги, даты их заключения и суммы оплаты.

Могу сразу заверить, что все эти суммы были чисто символическими. Если вы меня спросите, на какие же деньги существовал Комитет солдатских матерей, то я вам не отвечу. Честное слово, мне это было неинтересно! Меня, конечно, учили многому, но в финансовых операциях я разбираюсь не лучше, чем свинья в апельсинах.

Я аккуратно выровняла листочки, сколола их скрепкой и положила в пластиковую синюю папочку-уголок. Теперь оставалось только причесаться, подправить косметику, и можно было идти домой.

Я неторопливо привела себя, любимую, в божеский вид. Результат меня более чем удовлетворил. В дверях своего кабинета я остановилась и погладила бронзовую пантеру по оскаленной пасти.

– Не скучай, подруга! – шепнула я ей и пошла домой.

Зайдя по пути в приемную Светланы Алексеевны, я оставила секретарю – неулыбчивой дурнушке Марине – папочку с документами и пожелала ей счастливо провести выходные. Марина попыталась улыбнуться и кивнула головой.

Честное слово, когда она делала так, то становилась необычайно похожей на барсучиху в зоопарке. Столько в ее глазах было вымученного дружелюбия, за которым скрывалась тоска от того, что нельзя выкопать нору и в ней спрятаться.

Все у нас в конторе знали, что Марина жутко влюбчивая девица и заводит романы с поразительной регулярностью – по одному в неделю. Впрочем, ни один из них больше недели и не продолжался. И это было предметом постоянных расстройств секретарши. Ее жалели и все время кому-нибудь сватали. Что, впрочем, совершенно не помогало.

Я-то прекрасно знала, что Марину нужно просто оставить в покое. Посидит она одна дома недельку и, глядишь, перестанет бросаться каждому встречному на шею. Может, тогда и найдет того самого единственного принца.

Впрочем, высовываться со своими советами совсем в мои планы не входило. Пусть уж лучше меня считают нелюдистой. А то получится, как с Мариной. В общем, к своему желанию хорошо провести выходные я ничего не добавила и вышла из прохладной конторы на жаркий июльский воздух.

Помещение мы снимали почти на вершине Беркутовой горы, и вся северо-восточная часть Тарасова была передо мной как на ладони. Секунду я постояла на крыльце, глядя на город, прищурившись от яркого солнца. Затем достала из сумочки темные очки и медленно пошла вниз по ступенькам.

Над Тарасовом стояло марево. Бетонные стены домов так нагревались за день, что к вечеру воздух над городом дрожал, словно над огромным неугасимым костром. Если прибавить к жаре еще и смог, то вы сможете представить, как чудесно находиться в городе в середине июля.

Меня ни жара, ни пропахший выхлопными газами воздух особо не волновали: и не такое видали! Июль мне нравился, потому что лишь в этом месяце жизнь в городе становилась не такой суматошной. В такую жару просто невозможно было спешить. Жаркий воздух требовал экономии энергии, а значит, вносил в жизнь размеренность, неторопливость и степенность. А их Тарасову всегда не хватало.

Если ко всему этому добавить еще и то, что не так много времени оставалось до моего дня рождения, станет понятно, почему мне нравился июль.

Я не раз слышала, что: «День рождения – грустный праздник». Могу сказать, это – кому как! Если есть причина грустить от того, что родились на этот свет, то – всегда пожалуйста. Для меня день рождения был самым любимым праздником в году. Каждый раз в этот день я просыпалась с таким чувством, словно родилась заново. Я ощущала огромный прилив сил и была готова, подобно Архимеду, попытаться перевернуть землю...

Я прошла на остановку девяносто восьмого автобусного маршрута и стала ждать любимый общественный транспорт. Цены на билеты вновь подняли, и все старушки на остановке стенали по этому поводу. Хотя им-то жаловаться было грех: они все равно на рейсовых автобусах ездили бесплатно.

Улыбнувшись, я встала чуть в сторонке от этих разгневанных фурий, на чем свет стоит костерящих правительство. Пусть себе ругаются. Они без этого, как страус без ног! Слушать старушек мне пришлось недолго. Подошло маршрутное такси, и они остались на остановке, а я поехала домой.

От конторы Тарасовского Комитета солдатских матерей я жила довольно далеко, поэтому добралась до дома к шести вечера. По дороге я купила свежий номер местной газеты бесплатных объявлений под названием «Что? Почему?» и заглянула в почтовый ящик.

Я не собиралась ничего приобретать, да и писем мне ждать было не от кого, но эту процедуру я повторяла регулярно, каждую пятницу. Три месяца назад это стало традицией и хорошей приметой.

Сегодня в почтовом ящике ничего не было. Я с сожалением захлопнула его и поднялась по лестнице на второй этаж. Все, я была дома.

Эту квартиру я приобрела чуть больше года назад в процессе обмена. Раньше у меня была трехкомнатная квартира улучшенной планировки в самом центре города. Но после гибели мамы и папы жить в ней я не могла. Поэтому и поменяла ее на двухкомнатную в более тихом районе. Естественно, получила хорошую доплату. Впрочем, доплата особой роли не играла. Мне нужно было просто сменить «среду обитания» после моего возвращения в город.

Я бросила газету на диван в гостиной и скинула надоевшие туфли. Положив на трюмо сумочку, я помчалась на кухню.

Не скажу, чтобы я была голодна. Напротив, в такую жару есть совершенно не хочется, но каждый день я с нетерпением ждала, когда вернусь домой, чтобы заняться приготовлением пищи.

Еще в юридической академии я вдруг поняла, что могу творить с продуктами чудеса. Даже самые банальные блюда, вроде яичницы, у меня получались настолько вкусно, что подруги в общежитии завистливо вздыхали:

– Тебе бы, Юлька, надо было в кулинарный техникум идти!..

Не знаю, как у меня это получалось. Наверное, действительно это было моим призванием. Но так как моя жизнь сложилась по-другому, то приготовление пищи превратилось для меня в хобби.

С той же самозабвенной страстью, с которой школьницей собирала наивные стишки в тетрадку, я коллекционировала рецепты. Я вырезала их из всевозможных журналов, без всякой меры скупала кулинарные книги и записывала способы приготовления блюд со слов других людей.

Но самым интересным для меня было изобретать свои собственные рецепты. Иногда я целые выходные проводила за плитой, переводя массу продуктов, пока не добивалась от того или иного блюда нужного мне вкуса.

Впрочем, не скажу, чтобы эти продукты пропадали зря! Соседями по лестничной площадке у меня была милая семейная пара, воспитывающая четверых детей. Именно им я и относилась все свои кулинарные эксперименты. Я прекрасно понимала, как трудно в наше время прокормить небогатым родителям такую вечно голодную ораву, и ужасно радовалась, что могу помочь им.

Первое время соседи меня чурались, как чужого человека. Но, когда их младшая девочка Таня, страшно общительный ребенок, бесцеремонно пришла ко мне в гости и просидела больше часа, у нас с семьей Жлуктовых установились теплые отношения.

Танечке тогда здорово попало, потому что все это время девочку искали по окрестным дворам, но зато потом ей позволялось сидеть у меня сколько угодно.

Думаю, что причиной такой привязанности пятилетней девочки стала не я сама, а еще одна моя страсть. Дело в том, что после возвращения в Тарасов я ни с того ни с сего принялась собирать мягкие игрушки.

Некоторые из них мне были подарены, некоторые я купила сама. Но, как бы то ни было, мой дом теперь населяли не меньше двух десятков смешных зверюшек. Правда, в основном это были всевозможные представители семейства кошачьих, но и тому есть свое объяснение.

Я любила кошек. Для меня они были преисполнены такой естественной грацией, направленной чувством собственного достоинства, что казались самыми красивыми животными на свете. Живую кошку я держать не могла, так как в любую минуту могла надолго уехать из дома, вот и собирала игрушки.

Ужин был готов. Сегодня я приготовила себе котлеты пожарские. Гарниром к ним были белая фасоль и зеленый горошек. Все это великолепие я полила растопленным маслом. Попро-

буйте. Это действительно вкусно. А если кому не нравится фасоль, то можете приготовить жареный картофель.

Сразу уничтожить такое произведение искусства не хотелось. Я решила немного продлить удовольствие от созерцания своего маленького шедевра кулинарии и взяла из гостинной газету. Раскрыв ее на странице с рубрикой «Послания», я стала неторопливо просматривать их, отламывая кусочки ржаного хлеба и поедая зеленый горошек.

Не успела я прочитать и половины, как едва не поперхнулась! Заметка в середине второго столбца была адресована мне. Более того, ее я ждала уже почти три месяца. Чувствуя, как сердце лихорадочно забилось в груди, я перечитывала небольшое послание снова и снова:

БАГИРЕ

Давно не видел

великолепия твоих бросков.

Пришло время выйти на охоту!

Загляни ко мне на огонек.

Есть кое-что для тебя интересное.

ГРОМ

Я испустила радостный клич, больше подобающий дикарю, чем юрисконсульту Комитета солдатских матерей, и, схватив в охапку плюшевого тигренка, что жил у меня на кухне, закружилась по комнате.

Наконец-то Гром вспомнил о том, что я существую. Это сообщение было для меня дверью в прошлую жизнь, по которой я так тосковала все время, после возвращения в Тарасов. И Гром открыл мне эту дверь. Сама не заметив как, я погрузилась в воспоминания...

* * *

В комнате было пятеро: пожилой человек в штатском, которого все звали Генерал, полковник в «камуфляже» с эмблемами войск ООН, Гром, Сверчок и я. Я сидела на пластиковом стуле почти у двери и молча наблюдала за происходящим. А понаблюдать было за чем.

Сама комната была ничем не примечательна. Обычный полевой штаб в первом попавшемся подходящем доме, даже пейзаж за окном не отличался от пейзажа юга России. Забываешь, что ты находишься в небольшом местечке Илияш неподалеку от Сараева.

Даже заголовки газет, что лежали рядом со мной на обшарпанном журнальном столике, можно понять без особого труда. Сверху лежал плохо напечатанный листок сербских радикалов «Одъек» с жирным заголовком первой полосы: «Живео Србия!»

Я оторвалась от попыток прочитать передовицу вверх ногами и посмотрела на Генерала. Он сидел спиной к окну, и выражение его лица разобрать было невозможно. Впрочем, этого и не требовалось! Генерал нервничал. Это было заметно по подрагиванию его пальцев.

«На пенсию пора, – молча вынесла я свой приговор. – Когда теряется контроль над эмоциями, наступает крах».

Это случилось с Голубем. Именно из-за него мы все оказались в этой комнате вместе, чего не должно было никогда случиться. И именно из-за Голубя нервничал сейчас Сверчок. Единственный из всех, кто совсем потерял контроль над собой: Голубь был его лучшим другом.

– Жду от вас, майор Суров, объяснения случившемуся! – наконец нарушил молчание Генерал.

Его голос прозвучал в тишине комнаты сухо, словно очередь выстрелов «М-16». Полковник в «камуфляже», сидевший рядом с Генералом, вздрогнул и испуганно посмотрел по сторонам. Нарушая субординацию, он сдавленным голосом проговорил:

– Не нужно фамилий! Нас могут прослушивать...

– Не учите меня, – огрызнулся Генерал, но все-таки поправился: – Я слушаю вас, Гром! Несколько секунд Гром молчал. Он сидел в центре помещения и казался мишенью в тире, поскольку все внимание было приковано к нему. Однако Грома это ничуть не волновало. Его поза была расслабленной, а дыхание ровным.

– Голубь попал на глаза английскому патрулю, когда вертелся в их зоне влияния, – нетопливо проговорил Гром. – Он грубо нарушил инструкции и, вместо того чтобы дать себя спокойно проверить, решил скрыться от патруля. Его поймали, чего тоже не должно было быть. Судя по всему, раскололся он легко. Это понятно, потому что Багиру пытались взять через час после задержания Голубя, а они работали в смежных секторах.

– Почему вы устроили побоище, вместо того чтобы спокойно сдаться? – Генерал повернулся ко мне.

От удивления у меня отвалилась челюсть. Сдаться контрразведке бундесвера, имея на руках такие документы? Он что, с ума сошел?! Да я бы тогда из их тюрьмы в Висбадене лет семь на небо через решетку смотрела! Пока я раздумывала, как все это сказать Генералу, за меня заговорил Гром.

– Такой вопрос я считаю неуместным! – твердо проговорил он, глядя туда, где должны были быть глаза Генерала. – Багира действовала строго согласно полученным инструкциям и...

Гром не договорил. Генерал перебил его, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла.

– Мне плевать на ваши инструкции! – заорал он. – Из-за действий вашей группы мы оказались на грани международного скандала. Теперь страны Альянса, а они, между прочим, входят в МВФ, могут такое нам устроить, что не одна голова с плеч слетит...

– Мы не имели права действовать по-другому, – твердо перебил Генерала Гром. – Какие бы мы были разведчики, если бы подобно Голубю...

– А вы и не разведчики! – теперь, похоже, была очередь Генерала заткнуть рот Грому. – Лично мне все ясно. Вы, майор, не смогли подготовить группу к работе должным образом. Из-за этого группа провалилась, и теперь все пункты по урегулированию, что были нами согласованы и утверждены, грозят быть отвергнуты странами Альянса. Сдайте оружие, майор! Вы и члены вашей группы разжалованы и уволены из органов.

– Но позвольте, – все так же испуганно оглядываясь, проговорил полковник. – Этот вопрос может решать только специальная комиссия при штабе...

– Этот вопрос могу решить я! – Генерал усмехнулся. – Или вы, полковник, хотите разделить участь ваших подчиненных?..

В голосе Генерала было столько злорадного ожидания, что полковник поежился. Перспектива быть уволенным из органов его совсем не устраивала. Он замолчал и вжался в спинку стула, словно желая совсем исчезнуть. Я, усмехаясь, смотрела на него.

Гром первым встал со стула. Он достал из заплочной кобуры «кольт» тридцать восьмого калибра и бросил его на стол перед Генералом. «Кольт» ударился о столешницу с глухим стуком.

– Рад, что больше не увижу вас, Генерал, – с презрительной улыбкой проговорил Гром и пошел к выходу.

– Правильно радуетесь! – крикнул Генерал ему в спину. – Потому что следующая наша встреча может произойти только в следственном изоляторе.

– Вашими бы устами да мед пить! – усмехнулся Гром и посмотрел на меня. – Жду тебя в казарме, – проговорил он и ободряюще подмигнул. Словно знал, что творится у меня на душе: такого позорного конца своей карьеры я даже в страшном сне не видела! Однако правда всегда страшнее снов.

Я поднялась со своего места, достала свой любимый «магнум» и подошла к столу. Мне хотелось сказать пару ласковых слов Генералу, но я вспомнила о сдержанности, которой научил

меня Гром. Я не сказала ничего. Лишь посмотрела в лицо Генерала. Моего взгляда он не выдержал и отвернулся к окну.

– Сверчок, задержитесь, – приказал Генерал, ни на кого не глядя.

Я повернулась и посмотрела на Сверчка. Он тоже спрятал от меня глаза, но я заметила в них искорку стыдливой трусости. Что ж, баба с возу...

На следующий день мы с Громом навсегда покинули Югославию. «Живео Сербия!» – прошептала я на прощание.

* * *

Я вынырнула из своих воспоминаний, словно из воды мутного озера. На языке был вкус горечи, а сердце учащенно билось от незабытой обиды. Вся эта картина прошла передо мной, словно наяву. Несколько секунд я стояла неподвижно, освобождаясь от боли воспоминаний.

Нас действительно тогда уволили из органов. Правда, выходное пособие заплатили немалое. Видно, для того, чтобы заткнуть рот. Хотя никто из нас и не собирался рассказывать кому попало о своей прошлой работе.

Я вернулась к столу, посадила напротив себя плюшевого тигренка и улыбнулась ему. Меняются времена, меняется мир, меняются люди. Не меняется только Гром. И теперь мы вновь поработаем вместе!

Я проглотила остывшие котлеты в один присест. Такая пища хороша только сразу после приготовления. Потом она утрачивает свой специфический вкус и аромат и становится похожа на обыкновенную общепитовскую еду. Но я не замечала этого. Все мои мысли были о предстоящей работе.

Я еще не знала, что за задание мне припас Гром. Ясно было только одно: в нем нет никакой срочности. Когда мы с Громом, неожиданно появившимся у меня дома в Тарасове три месяца назад, договаривались о способе связи, то решили – если задание срочное, то он пришлет телеграмму. Если нет, то будет объявление в рубрике «Послания» газеты «Что? Почему?».

Еще я знала, что Грома я не увижу. Он мог быть сейчас где угодно, хоть в Бангладеш. Послание для меня означало только то, что мне нужно появиться в условленном месте и забрать оттуда пакет с информацией. Дальше действовать так, как будет указано в инструкции.

Несмотря на то что в условленном месте меня сейчас никто не ждал, мне хотелось лететь туда на крыльях, словно школьнице на первое свидание. И все же я сдержала себя. Как любил говорить Гром: «Спешка нужна только при ловле блох».

Пакет можно будет спокойно забрать завтра и расшифровать бумаги обстоятельно, не торопясь. Субботы и воскресенья будет достаточно, чтобы разработать план выполнения предстоящего задания и с понедельника к нему приступить.

Успокоенная такими мыслями, я пошла спать. Я прихватила с дивана большую пантеру. Каждое утро я «выпускала ее погулять» в гостиную, а вечером вновь укладывала с собой в постель. Не собиралась я оставлять ее на холодном диване и сегодня.

Постелив постель, я положила пантеру к стенке и выключила свет. Пора спать, ибо утро вечера мудренее!..

Я проснулась в шесть. У меня на окнах были довольно плотные шторы, почти не пропускающие свет. Когда они были задернуты, даже в яркое солнечное утро в комнате царил полумрак. Сегодня же освещение было такое, словно солнце и не собиралось вставать над городом.

Я поднялась с кровати, открыла шторы и выглянула на улицу. Утро выдалось пасмурным. Неподвижные серые тучи нависли над Тарасовом, словно эскадра «цеппелинов». Я видела их на фотографиях времен Первой мировой войны. Не знаю почему, но сегодня мне вспомнилась именно она, когда я посмотрела на небо. Может быть, оттого, что я думала о Югославии.

Вспомните сами: Первая мировая война началась после убийства в Сараеве эрцгерцога Австро-Венгерской империи.

Я не провожу параллелей, но после моих вчерашних воспоминаний о Громе «цеппелины» вместо облаков в небе над Тарасовом появились сами собой.

Пока я раздумывала о «цеппелинах», тучи сдвинулись с места и начали рваться на клочки. В прорехи между ними пару раз сверкнуло солнце, а затем шквал ветра прошелся по верхушкам деревьев. День распогодился, и тем лучше для меня!

Одним из навыков, которые нам прививали на курсах специальной подготовки, было умение не выделяться из толпы. Это качество спасало жизнь не одному секретному агенту. А представьте, как бы мне удалось не выделяться из толпы, поехав на дачу под проливным дождем?!

Сейчас эта проблема отпадала сама собой. День будет солнечный, а значит, я могу не бояться пустоты в пригородном автобусе. Он будет заполнен так плотно, как согласно ГОСТу должны располагаться сельди в банке. Тут если кто и обратит на меня внимание, так это какой-нибудь мужичонка, которого толпа в автобусе прижмет ко мне вплотную.

Дача мне досталась от бабушки. Я хотела продать ее, потому что не видела в ней необходимости. Не испытывая особой любви к садоводству и огородничеству, я не могла придумать, как еще можно использовать небольшой домик, окруженный шестью сотками земли, наполовину засаженной всякими плодовыми растениями. Ответ подсказал Гром. Это он изобрел такой способ связи.

Неподалеку от моей дачи стоял довольно претенциозный двухэтажный особняк. Насколько я поняла, он принадлежал какому-то бесконечно гостеприимному человеку, который позволял отдыхать в нем кому угодно.

И в выходные, и в будни летнего сезона в этот особняк приезжала то одна, то другая шумная компания. Чем они там занимались, я не знала, да это было и не важно. Важным было только то, что на двухэтажной даче всегда находился один и тот же человек. Когда особняк пустовал, он был там сторожем. А когда появлялась очередная веселая компания, был у них чем-то вроде прислуги: готовил шашлыки, мыл машины и тому подобное. Именно этот человек мне и был нужен.

Я не знаю (а у нас не принято этим интересоваться), работал он на Грома или нет. Для меня он был просто Колей. Согласно легенде, я была бывшей женой некоего бизнесмена, на которого имела компромат. Мстя за то, что он меня бросил, я бизнесмена шантажировала, и он вынужден был мне передавать изредка солидные суммы.

Передавал мне мой «муженек» деньги через этого Колю, потому как сам часто приезжал на дачу. Своего «супруга» я никогда не видела, так как, когда я должна была появиться на даче, он там непременно отсутствовал. Знала я его лишь по устному описанию, но опознать по нему кого бы то ни было не представлялось возможным.

Мы с Громом договорились, что в случае какой – либо опасности для себя я связываюсь с Колей и говорю ему, что хочу увидеться с «мужем». Тогда этот человек найдет меня сам.

Коля передавал мне деньги завернутыми в несколько слоев бумаги. На вид это были обычные чистые листы, но в них и была главная ценность посылки. На них содержалась нанесенная особыми чернилами информация для меня. Прочсть ее было возможно только при использовании специального оборудования. Поэтому за утечку информации мы не опасались.

К тому же на внешней стороне свертка были особые метки, незаметные непосвященному человеку. Если они были повреждены, то сверток трогать мне не позволялось. В этом случае я должна была немедленно выйти на связь с Громом и получить новые инструкции.

Как видите, мой командир был обстоятельным человеком. Работая с ним, я никогда не боялась, что окажусь в ситуации, из которой нет выхода. Но я совершенно не понимала, к чему такая секретность.

Конечно, отправлять мне инструкции по почте было глупостью: они легко могли затеряться. Присылать их с курьером было тоже нелогичным: курьер мог засветиться или оказаться перевербованным. Но почему нельзя было использовать такой банальный способ, как камеры хранения на вокзале, я не знала. Видимо, у Грома были особые причины, чтобы сделать связь именно такой. Я не спрашивала. Я ему верила.

На свою небольшую дачку я добралась к одиннадцати утра. Народу в автобусе оказалось не так много, как я думала, но все равно было более чем достаточно, чтобы затеряться в толпе. Да и не верила я, что за мной следят.

Дождик над дачами все же прошел. Он прибил дорожную пыль и умыл уставшие от жары деревья. Воздух был настолько чистым, что после городского смрада от него кружилась голова. Мне хотелось пить и расцеловать все вокруг.

Колю я увидела издали. Он вышел из ворот особняка с метлой в руках и остановился, глядя из-под ладони в мою сторону. Когда я подошла ближе, он радостно замахал рукой, призывая меня к себе.

На вид Николаю было около сорока лет. Но на этом и заканчивалось все то, что о нем можно было сказать с полной уверенностью. О его образовании, социальном статусе и семейном положении судить было трудно. Он мог быть и инженером, поменявшим бесперспективную заводскую работу на кусок хлеба с маслом, что всегда достанется сторожу дачи богатого человека. Мог быть Коля и бывшим бомжем, которого пригнал сердобольный предприниматель.

Именно из-за неприметности образа я и подумала сначала, что Коля работает на Грома. Мой командир, за редким исключением, любил привлекать к сотрудничеству такой тип людей. Но если это было так, то какой же тогда смысл в истории с моим «бывшим мужем». Скорее всего Коля действительно ни о чем не знает.

– Здравствуй, Юлечка! – приветствовал меня Николай, едва я подошла к нему. – Ты чуть-чуть опоздала. Твой бывший с компанией пробухали здесь больше суток и только час назад, как уехали.

– И слава богу! – деланно фыркнула я. – Рожа его противную видеть не могу!..

– Да ну, не такая уж она у него и противная, – рассмеялся Коля. – Вы бы с ним прекрасной парой смотрелись...

– Смотрелись, было время, – перебила я его. – Давай не будем об этом. Скажи лучше, мне он сегодня что-нибудь передал?..

– А как же. – Коля радостно закивал головой. – Подожди, сейчас принесу.

Коля скрылся в воротах дачи, оставив меня одну. Я просто сгорала от нетерпения, но пришлось сдерживать свои эмоции, чтобы не привлекать лишнего внимания. С равнодушным видом я осмотрелась вокруг и достала из сумочки зеркальце, чтобы проверить, все ли у меня в порядке с макияжем.

– Держи, – протянул мне пакет Николай, неожиданно появившийся из калитки. Глядя, как я убираю его в сумочку, он спросил: – Скажи, золотце, чем ты его так зацепила, что он тебе готов столько платить? Мне бы тоже небольшая прибавка к зарплате не помешала!..

– Держи карман шире, – рассмеялась я и пошла к себе. – Спасибо за помощь. Увидимся еще.

У себя в дачном домике я не выдержала и достала пакет с заданием от Грома из сумочки. Я прекрасно понимала, что ничего сейчас прочесть не смогу, но все равно раскрыла его и внимательно осмотрела.

Метки все были на месте, значит, пакет никто не трогал. Деньги в этот раз Гром передал долларовыми купюрами. Там была ровно тысяча сотенными банкнотами. Пачечка получилась смехотворно тонкой, но вот чистых листов было более чем достаточно. Выходит, готовиться мне придется обстоятельно.

Уже заворачивая деньги обратно в пакет, я вдруг подумала: «Это чем же Гром Колю смог привязать, что тот и не пытается вскрыть пакет, забрать эту тысячу и скрыться в неизвестном направлении?» Ответа у меня не было. Его мог бы дать Николай, но спрашивать у него я не стану. Надеюсь, понятно почему?..

Глава 2

Суббота и воскресенье прошли не так спокойно, как я предполагала. Дело в том, что информация, которую прислал для меня Гром, оказалась довольно большой и быстро справиться с расшифровкой материала не удалось. Мало того, что мне пришлось сначала проявить листки, так еще вся информация была в цифровом коде. Я ввела ее в компьютер и ждала, пока он ее расшифрует.

Вся эта канитель закончилась поздно вечером в субботу, и я, поужинав салатом по-косовски, села изучать материал. Салат этот приготовить нетрудно, тем более что ничего особенного в него не требуется – отварные свекла, грибы и рыба, лук, чеснок, масло и уксус. Все это по вкусу посолить и добавить чуть-чуть сахара. Этот рецепт я узнала в Югославии. Делается салат за считанные минуты, а мне другого и не требовалось.

Грома интересовало совместное российско-германское предприятие «Gediehen». Точнее, не оно само, а его руководитель Карл Ридле. Он был гражданином Германии, но постоянно проживал в России. Ридле было сорок семь лет («Почти ровесник Грома!» – почему-то подумала я). Репатриировался в Германию в 1990 году. До этого жил в Тарасове. Куда и вернулся, чтобы организовать собственную фирму в 1996 году. Гром подозревал Ридле в шпионаже на германский бундесвер.

Информации о Ридле было много. В документах, что прислал мне Гром, было все: список родных и друзей Ридле, его адрес (тарасовский и в Германии), его привычки и все такое. Не было только одного – ни одного намека на его предполагаемую шпионскую деятельность.

Я подумала, что Гром проверял какие-то свои домыслы, основанные на не совсем достоверной информации. Именно поэтому мой командир вышел со мной на связь через газету, а не прислал срочную телеграмму. Раз не торопился Гром, значит, и мне спешить было некуда.

Ближе к полуночи я занялась изучением материала по СП «Gediehen». Фирма существовала на тарасовском рынке три года и занималась продажей иномарок. Поскольку автомобильный рынок у нас в городе находится под пристальным вниманием мафии, то я ничуть не удивилась, увидев совладельцем фирмы Андрея Голованова. Среди местных бандитов он был довольно известным авторитетом и гордо носил кличку Голова.

В материалах, присланных мне Громом, был и его адрес, и адреса всех сотрудников фирмы и ее деловых партнеров, а также краткая информации о них. В общем, данных было столько, что оставалось только подивиться проделанной людьми Грома работе.

– Интересно, а у нас на каждую фирму такой материал собирают или Ридле исключение? – неизвестно у кого спросила я вслух и продолжила читать дальше.

У СП «Gediehen» была одна не совсем обычная черта. Дело в том, что с завидной периодичностью – приблизительно раз в десять дней – в фирму приезжали какие-нибудь гости. Нельзя сказать, что в другие СП не приезжали гости из-за границы, но мне что-то не доводилось раньше слышать, чтобы это происходило так часто и в таком количестве.

В конце концов от работы с компьютером у меня зарябило в глазах, и я решила немного передохнуть. Взяв с собой розового игрушечного медведя, я завалилась на диван и принялась раздумывать о том, как мне попасть в фирму Ридле.

Самым простым способом собрать информацию о немецком бизнесмене было, проникнув в фирму и к нему домой, насовать «жучки» прослушивания в каждый угол. Этим я пренебрегать не собиралась, но все проблемы простое прослушивание не решит.

Я очень сомневалась, что Ридле будет разговаривать в офисе или у себя дома с агентами бундесвера. Если он, конечно, работает на германскую разведку. В чем лично я не была уверена. Просто не представляла себе поле деятельности шпиона в Тарасове. Разве что попытаться

выяснить секрет постоянных поломок комбайнов, что выпускает тарасовский завод. А потом использовать эти секреты для диверсионной работы среди иранских механизаторов.

Оставалось только надеяться, что мой любимый командир не впал в маразм и не начал гоняться за солнечными зайчиками. Гром очень редко ошибался. Но он был человеком! Очень умным и честным, но все же – человеком. И ничто человеческое ему не было чуждо. Гром мог ошибиться, а мне не хотелось делать такую кропотливую работу впустую.

Если честно, я очень ценила свое время и труд, чтобы разбазаривать его налево и направо. Именно поэтому после того, как меня отправили из Югославии в отставку, я больше не пожелала работать на спецслужбы. Если бы не Гром, никогда бы меня не удалось уговорить: я не прощаю оскорблений! Об этом могли бы рассказать те ребята из Калининграда, если бы могли говорить.

Неожиданно волна воспоминаний захлестнула меня с головой. Да так, что я забыла обо всем остальном...

* * *

Прокуратура Калининградского военного округа помещалась в старом двухэтажном доме, который, казалось, должен был помнить еще канцлера Бисмарка. Неизвестно, как этот дом пережил две войны, но разваливаться он явно не собирался.

Здесь у меня был отдельный кабинет, где номинально я работала старшим следователем. Впрочем, почему номинально?! Работы, как у следователя, у меня было более чем достаточно.

Сокращение наших войск в Калининградской области шло тогда полным ходом, и наши brave военные, выезжая оттуда, старались прихватить с собой побольше армейского имущества. Тащили все, начиная от полушубков и кончая стрелковым оружием. Оставалось удивляться, что никому в голову не пришло прихватить с собой пару танков.

Впрочем, воровство казенного имущества хоть и было повальным, но куда страшней было дезертирство. После европейского Калининграда никто не хотел возвращаться в бардак любимой Родины.

Бежали солдаты, дезертировали офицеры. Все стремились в Польшу, с которой и настоящей-то границы не было. Причем, если первых польские власти выдавали охотно, то вторых старались придержать у себя. По крайней мере, до тех пор, пока не вытягивали из них всю секретную информацию, которая могла бы хоть как-то пригодиться.

В общем, работы было выше головы, и я совсем забыла о существовании Грома. Впрочем, Андрей Суров был не тем человеком, который позволял о себе забывать! В тот день я только что закончила допрос майора береговой охраны, которого утром получила от поляков, как Гром вошел ко мне в кабинет.

– Я вижу, ты в поте лица трудишься на благо Родины? – с усмешкой спросил Андрей.

– Где ваше «здравствуйте», сударь? – Я улыбнулась. – Каким ветром?

– Почти попутным. – Гром враз стал серьезным. – Заканчивай свою работу. Я жду тебя в кафе напротив.

Он ничего не объяснил. Просто повернулся и вышел, уверенный, что я пойду следом. Что я и сделала. Собрала документы, закрыла их в сейф и покинула кабинет. На все это ушло не больше двух минут, но, когда я вошла в кафе, Гром уже сидел за столиком и пил свой любимый спрайт. Он махнул мне рукой, приглашая к столику.

Андрей придерживался правила: меньше знаешь, крепче спишь. Он никогда не разжевывал своим людям смысл поставленной задачи. Просто говорил, что, когда и как нужно делать. Крайне редко он объяснял, зачем ему это понадобилось. Сегодня был как раз такой случай.

– Девочка, сегодня вечером ты должна быть в ресторане «Кенигсберг». Ты позволишь двум мужчинам себя «снять», поэтому должна выглядеть сверхсексуально, – оглядев меня,

Гром усмехнулся. – Впрочем, для этого тебе ничего особенного и не требуется... После этого поведешь их на нашу квартиру. Только запомни: эти люди очень опасны! Ни в какие конфликты не вступай. Соглашайся на все, но говори, что сделаешь это на квартире. Когда придешь туда, мы их возьмем. Нужно арестовать их очень тихо, чтобы некоторое время никто не знал, что они у нас. Стрельбы не будет. Но, если она все же начнется, падай на пол и не поднимай головы...

– Я не ребенок, Гром! – обиделась я, но он не стал со мной спорить.

Андрей сунул мне фотографии этих типов и поднялся из-за стола. Секунду он смотрел на меня, а затем сказал:

– Ровно в двадцать два ноль-ноль. За тобой будут наблюдать...

Больше он ничего не добавил. Подмигнув мне, Андрей пошел к выходу, а я, как дура, смотрела ему вслед. Обида настолько переполняла меня, что я даже не сразу услышала вопрос официанта-латыша:

– Что-о бу-удете за-аказыва-ать?..

Ровно в двадцать два часа я вошла в ресторан «Кенигсберг». Выполняя распоряжение Грома выглядеть сексуально, я надела короткую кожаную юбку, прозрачную белую рубашку, расстегнутую до самых грудей, и красный жилет, не достающий до талии. В общем, образу ресторанной шлюхи я вполне соответствовала.

В первую очередь я обратила внимание, что в ресторане не было ни одной моей «конкурентки». Видимо, это постарались ребята Грома, чтобы мои клиенты не «подняли» никого до моего появления. А их я увидела сразу: парни сидели у самой сцены и пилились на полураздетую певичку.

Вихляя бедрами, я прошла прямо у них перед носом к стойке бара. Сесть на вращающийся стул я уже не успела. Один из парней мгновенно оказался возле меня и с самодовольной ухмылкой спросил:

– Что же ты мимо идешь? Скажи еще, что ты уже занята!..

Через минуту я была у них за столиком. Еще некоторое время мне пришлось выносить их мерзкие руки, шарящие по моему телу. Затем парни решили, что дошли до кондиции, и потребовали, чтобы я ехала к ним на квартиру.

– Нет, мальчики, – растягивая гласные, проговорила я, внутренне содрогаясь от отвращения. – Я по чужим «хатам» не езжу. Кто его знает, что у вас в голове! А я не хочу оказаться потом в заливе...

Парни расхохотались и согласились ехать ко мне. Похоже, они настолько спешили снять с меня трусики, что им было безразлично, где это сделать. Хоть в мужском туалете!..

Машина у них была приличная – «двухсотый» «Мерседес». Меня затолкали на заднее сиденье. Один из дружков уселся за руль, а другой подсел ко мне. Не успели мы отъехать от стоянки, как тот, что оказался на заднем сиденье, полез ко мне под рубашку. Я поймала его за руки и чуть оттолкнула от себя.

– Нет, так не пойдет, – как можно тверже проговорила я. – Ненавижу секс в машине...

Договорить я не успела. Парень, почти без размаху, ударил меня по губам тыльной стороной ладони. Удар получился несильным, но от обиды я едва сдержала себя, чтобы не врезать ему в ответ.

– Че такое? – спросил первый, услышав звук удара.

– Да эта кошелка ломаться начала! – усмехнулся второй. – Целку из себя строит.

– Нехорошо, девочка, – злобным голосом проговорил первый. – За плохое поведение будешь наказана. Поэтому к тебе мы не поедем.

Он круто развернул машину и поехал в обратном направлении. Этого я допустить не могла. Мало того, что операция полностью проваливалась, так еще и неизвестно, смогу ли я справиться с двумя здоровыми парнями, когда окажусь у них дома.

Краем глаза я заметила, как «Вольво», шедшая за нами, повторила маневр машины, в которой меня увозили неведомо куда. Однако утешения в этом было мало. По дороге парней брать не станут, а потом может быть поздно. Я поняла, что нужно срочно что-то предпринять.

– Нет, ребята, так не пойдет! – оскалившись, проговорила я. – Или едем ко мне, или останавливайтесь и выпускайте меня. – За что снова схлопотала по лицу!

– Охренела ты, овца, или как? – прошипел тот, что сидел рядом со мной. – Куда повезем, туда и поедешь. А если не хочешь товарный вид потерять, заткни свое хлебало, и чтобы я от тебя больше ни писка не слышал.

Этот козел снова полез ко мне под рубашку. Терпеть такое я больше не могла, как и не собиралась с ними ехать. К дьяволу Грома с его инструкциями! Я решила действовать по-своему.

Громко застонав, я на секунду расслабилась. Парню такая моя реакция явно понравилась, и он немедленно начал задира́ть на мне юбку. Это и было его ошибкой: мощным ударом в кадык я отправила его смотреть «мульттики», как говорили у нас девчонки на занятиях по айкидо.

Парень хрюкнул и завалился на меня. Я нежно прижала его к себе. Причем так нежно, что у него хрустнули шейные позвонки. Все, теперь о нем можно не беспокоиться.

– Эй, у тебя друг, что, эпилептик, что ли? – закричала я, обращаясь к водителю. – Тормози машину, пока он не сдох! Вот, блин, связалась с больными...

Тот, что сидел за рулем, резко нажал на тормоз и обернулся. Увидев бесчувственного товарища, которого я прижимала к себе, он сдавленно ругнулся и выскочил из машины.

– Ты че, сука, с ним сделала? – заорал он, открывая дверцу.

Кто ему сказал, что я буду отвечать на вопрос? Я откинула бесчувственное тело на спинку сиденья и собралась вылезти из машины. Парень мне помог. Он схватил меня за волосы и дернул на себя. Мне только это и было нужно!

Я резко подалась ему навстречу, и парень на мгновение потерял равновесие. Ничего особенного я не сделала. Лишь немного подправила правой рукой траекторию его движения. Как раз настолько, чтобы он приложился своим носом к крыше «Мерседеса».

Почти одновременно кулак левой руки въехал ему в печень, и парень согнулся пополам. Я поймала его за волосы. Подтащив его перекошенное болью лицо вплотную к своему, я спросила:

– Кто тут говорил о наказании? – И, не дожидаясь ответа, вlepила ему лбом в уже поврежденную переносицу.

Парень отлетел от меня, как мячик от стены. Он приземлился на тротуар с таким звуком, который издает треснувший арбуз. От удара головой об асфальт парень отключился окончательно.

Я выволокла из машины и швырнула на тротуар того, что так уютно отдыхал на заднем сиденье. Мне жутко хотелось вlepить ему ногой по гениталиям, но я сдержалась. Этот блудливый козел все равно ничего не почувствует!

К тому моменту, когда к нам на полной скорости подлетела «Вольво» сопровождения, я уже успела заправить рубашку в юбку и вообще привести себя в порядок. Четверо ребят Грома удивленно застыли, увидев бездыханными людей, которых считали особо опасными.

– Теперь я понимаю, почему тебя зовут Багирой! – тихо присвистнув, проговорил один из них. В ответ я усмехнулась и издала ликующий кошачий крик. Нате вам!..

* * *

Только тут я поняла, что снова, как и тогда в Калининграде, закричала дикой кошкой. От удивления я на секунду замерла, а потом рассмеялась. Погладив розового мишку по голове, я сказала, все еще счастливо улыбаясь:

– Не волнуйся, малыш, мама не сошла с ума! Просто я немного играю...

Я положила медвежонка на диван и пошла к компьютеру. Воспоминания, конечно, вещь хорошая, но из них каши не сваришь. Чтобы подготовиться к выполнению задания, мне предстояло еще много поработать. Я села на стул и задумалась: что же мне делать с Ридле?

Было понятно и ежу, что мне необходимо попасть в фирму поволжского немца. Осторожно пообщаться с людьми да проследить за гостями, что так часто приезжают к Ридле. Тем более что случай был, удобнее не придумаешь: в понедельник в Тарасов приезжала новая делегация из Германии.

Сама идея мне жутко нравилась, но вот как ее осуществить, я себе не представляла. Нет, я, конечно, могу взять на работе недельку отгулов, которые честно заработала, но что делать потом?

Дело в том, что структура фирмы «Gediehen» была построена с немецкой обстоятельностью. Весь персонал был тщательно подобран и практически без изменений работал с первого дня существования СП. Судя по всему, никто оттуда не собирался увольняться, да и болели сотрудники Ридле крайне редко. Шансов вытеснить кого-то с рабочего места у меня практически не было.

Существовало еще два способа наблюдения за бизнесменом. Один я сразу отбросила, а второй оставила про запас, если ничего умнее не придумаю. Потому как ни один из этих способов оригинальностью не отличался.

Первый способ был стар, как наш прогнивший мир. Заключался он в том, что мне следовало стать любовницей Ридле. Вполне здравая мысль, если учесть, что я женщина. Но именно потому, что я женщина, мне этот способ был противен.

После того случая в Калининграде я в довольно резкой форме посоветовала Грому в следующий раз самому изображать проститутку, если возникнет такая необходимость. Я также пообещала ему, что расквашу его греческий нос, если он еще раз предложит мне такое задание. Гром усмехнулся, ничего мне не ответил, но подобных задач передо мной больше не ставил.

Второй способ наблюдения за Ридле был прост, как яичница. Нужно было насажать повсюду «жучков», обвешаться принимающей аппаратурой, а после этого хвостом носиться по Тарасову, стараясь не отстать от бизнесмена и ни в коем случае не попасться ему на глаза.

Мне он тоже не нравился. Хотя бы потому, что мозгов для его осуществления хватило бы и куриных, а результат бы получился – минимальный! К тому же, если Ридле действительно работает на разведку, то ему в два счета удастся меня вычислить. Я же не могу раздвоиться!..

Единственным плюсом во всей этой ситуации было мое прекрасное владение немецким языком. По крайней мере, у меня не было необходимости в переводчике при подслушивании его разговоров с гостями из благословенной Германии.

Именно в этот момент, когда я подумала о переводчике, у меня зародилась в голове одна сумасшедшая мысль. Несколько секунд я раздумывала над ней, а затем довольно усмехнулась. Просмотрев еще раз материалы по СП «Gediehen», я отправилась спать, совершенно уверенная, что решила задачу.

Заснула я как убитая и проспала почти до одиннадцати утра. Торопиться мне было некуда (по крайней мере, не в такую рань в воскресенье), и я позволила себе понежиться в кровати, глядя в телевизор.

«Смак» на ОРТ я вчера пропустила. Слишком велико было мое желание получить весточку от Грома. Но сегодня никакая сила не оттащила бы меня от телевизора, пока на ТВ-6 не закончится «Пальчики оближешь».

Передача меня не обманула. Едва успев схватить блокнот с журнального столика, я записала рецепт приготовления лягушачьих лапок. Самым оригинальным в нем было то, что повар использовал для их приготовления жирную сметану. А, впрочем, не буду пересказывать. Лягушачьи лапки вы есть все равно не будете!..

Только посмотрев «Пальчики оближешь», я пошла чистить зубы. Умывшись, я искала в аптечке нужные мне таблетки, но их там не оказалось. Что ж, придется зайти в аптеку, хотя я и не люблю этого делать. Вид лекарств после гибели родителей почему-то всегда вызывает у меня мысли о смерти.

На завтрак я разогрела себе вчерашнее рагу. Сделать-то я его вчера сделала, но после салата мне ничего есть не захотелось. Жлуктовы уехали в деревню к бабушке, поэтому рагу пришлось убрать под арест в холодильник. Зато сегодня оно мне пригодилось.

Обычно я так плотно не завтракаю, но сегодня нужно было набить желудок до отказа. Поэтому я уничтожила все рагу, что приготовила вчера. Слава богу, что наблюдать за тем, как я, морщась от переедания, запихиваю в рот последние его куски, кроме моих игрушек, было некому.

После обильного завтрака я направилась почти в центр города. Дело в том, что мне была нужна Элла Наумова, штатная переводчица в фирме Ридле. Именно она и была той единственной тонкой ниточкой, что, порвавшись, могла испортить Ридле весь прием гостей.

Ридле никогда сам не встречал гостей из Германии. Не знаю почему, может быть, чтобы показать свою страшную занятость, он присылал в аэропорт переводчицу. Она встречала гостей, отвозила их к Ридле, а затем размещала в гостинице. После этого Элла возила немцев по Тарасову, показывая им достопримечательности, и лишь к вечеру возвращала их назад в объятия Ридле.

Бизнесмен к тому времени организовывал праздничный банкет, который продолжался до утра. Лишь после этого Элла освобождалась и отправлялась домой. До следующего вечера, когда вместе с Ридле и его российскими партнерами гости отправлялись в культпоход по значным местам. Меня это вполне устраивало!..

Причина для визита к фрейлейн Наумовой у меня была. Дело в том, что эта дамочка была жутко падкой на деньги. Их ей никогда не хватало. Не помогала ни хорошая зарплата у Ридле, ни обильные чаевые от гостей. Поэтому Элла в выходные и в свободные вечера преподавала немецкий язык всем желающим. Вот якобы ради этих уроков я Наумову и навешу.

Я надела на себя белый топ, оранжевую длинную юбку и обулась в белые сабо на высокой платформе. Волосы я решила не забирать вверх. Теперь я выглядела словно старая дева, решившая выскочить замуж за немца и уехать подальше от любимой отчизны.

Последним штришком к моему облику была косметика. Точнее, явный перебор с такой. Оставалось только придать лицу глуповатое выражение, и роли своей я стала соответствовать в полной мере. Состроив несколько рожиц своему отражению в зеркале, я осталась довольна результатом и вышла из дома.

Первой моей задачей было поменять доллары на немецкие марки и наши родные рубли. Курс в сбербанке был явно грабительский, но выбирать не приходилось: в коммерческих лучше не будет. Разменяв некоторую сумму из тех денег, что прислал мне Гром, я поехала в центр.

Почти перед домом Наумовой я купила в аптеке нужные мне таблетки и отправилась к ней. Элла жила на четвертом этаже нового девятиэтажного дома. Лифт у нее работал превосходно, не страдал припадками эпилепсии, подобно тому что был в подъезде дома моего детства. Честное слово, я даже пожалела, что добралась до четвертого этажа так быстро!

Дверь квартиры Наумовой была бронированная, а рядом с ней висело видеопереговорное устройство. «Видимо, Эллочке есть что прятать от чужого глаза!» – подумала я и нажала на кнопку звонка. Переговорное устройство ответило сразу.

– Что вам? – не очень дружелюбно спросил женский голос.

– Я к Элле, по объявлению, – проговорила я, часто заморгав глазами, словно видела такое чудо техники впервые в жизни.

– Подождите минуту, я сейчас открою. – На этот раз голос, прозвучавший оттуда, просто захлебывался от счастья.

Фотографии Наумовой в присланных мне документах, естественно, не было, но выглядела она именно так, как я и представляла. Элла была высокой длинноногой девушкой с хорошей приятной фигурой. На мой взгляд, она была полновата, но немцам как раз такие и нравятся.

Если ко всему этому прибавить длинные русые волосы, то получался вполне стандартный персонаж с обложки «Плейбоя». Вот только выражение лица Наумовой совсем не соответствовало беззаботным мордашкам моделей. На лице у Эллы была написана такая жадность, что могла бы сделать честь и гоголевскому Плюшкину.

«Интересно, если девушка так любит деньги, то что ей мешало охмурить какого-нибудь лысого немца с набитым кошельком? – подумала я и тут же ответила самой себе: – Да куда с такой рожей в калашный ряд?! Только от одного выражения лица все толстые кошельки сбегут без оглядки!»

– Вы знаете, сколько я беру за урок? – вместо приветствия спросила Элла. А что еще от нее можно было ожидать?

– Нет, – состроила я из себя дурочку. – В объявлении об этом ничего не было написано.

Элла назвала такую баснословную сумму в долларах, что у меня, по идее, должны были вылезти от удивления глаза на лоб. Не вылезли! Потому что мне было на это абсолютно наплевать.

– Марки сойдут? – наивно спросила я, доставая из сумочки довольно солидную пачку. Для верности я пояснила: – Видите ли, мне сделал предложение богатый бизнесмен из Дюссельдорфа, и я собираюсь выйти за него замуж. А без знания языка это будет немного трудно. – Я секунду помедлила, а затем с жаром добавила: – Я же должна ему понравиться!..

– Проходите, пожалуйста, – распахнула передо мной дверь Элла. Ее голос задрожал от жадности, и мне оставалось только удивляться тому, что не затряслись ее руки.

Зайдя в квартиру Наумовой, я огляделась вокруг, стараясь придать лицу выражение несказанного восхищения. Обстановка была действительно шикарной. Но насколько она была шикарной, настолько и безвкусной.

Представьте себе четыре совершенно одинаковых музыкальных центра на разных полках в одной и той же комнате. Это не квартира, а склад какой-то получился. Так что восхищаться особо было нечем. Тем не менее я просто зашла от восторга.

– Ух ты! – переводя дух, сказала я. – Я себе в Дюссельдорфе так же квартиру обставляю.

Элле мой комплимент явно польстил. Она живо принялась мне расписывать достоинства того или иного предмета, их стоимость и то, с каким трудом эти вещи ей достались. Я прямо-таки хрюкала от восторга, постоянно перебивая Наумову вопросами.

В общем, через полчаса бестолкового разговора мы с Эллочкой перешли на «ты» и даже вроде стали подругами. В итоге я совершенно безапелляционным тоном заявила, что заниматься сегодня грех, и нужно немедленно отметить наше знакомство. После этих слов Элла мгновенно стушевалась и собралась было объяснить мне, как у нее сейчас тяжело с деньгами, потому что совсем недавно она приобрела новый холодильник, но я не дала ей договорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.